

Римид Нигачрок
Просто рост

С востока на запад

Римид Нигачрок

Просто рост

«Издательские решения»

Нигачрок Р.

Просто рост / Р. Нигачрок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747254-2

С востока на запад. Видимо, судьбе было угодно провести меня через всю страну для того, чтобы душа увидела жизнь как она есть и научилась жить.

ISBN 978-5-44-747254-2

© Нигачрок Р.
© Издательские решения

Содержание

С востока на запад	6
Мне пока что тайна	6
Точки на карте	8
Я о себе вам расскажу	9
Роман	12
Попытка мемуаров	14
Остров Сахалин	17
Островитянин	18
Спасая семью	19
Укол	22
Семейный обед	23
Дядя Юзеф	24
Папа спит	26
Помощь району	29
Игры детства	30
Персик	32
Подражание	33
Весенние хлопоты	34
Корочки вкус	36
Сгущенка	37
Рыбалка	38
Мы с другом	39
Каникулы	40
Улицы детства	41
Канал	42
Расстоянье	45
В такую погоду	46
Школьные годы	47
Там юность горела	48
Учитель	49
Не комсомолец	50
Первые стихи	51
Переключка	52
Служи солдат	53
Письмо	54
Дотерпеть	55
Домой	56
Спасенье	57
Дембельский крест	59
Ритуалы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Просто рост
С востока на запад
Римид Нигачрок**

© Римид Нигачрок, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С востока на запад

Мне пока что тайна

Я не знаю для кого, для себя, быть может,
Незатейливую жизнь в рифме слов изложу.
Шесть десятков лет, увы, нынче будет скоро.
Я уехал из села, стал родным мне город.

Горки, остров Сахалин, там я свет увидел,
Что на запад увезли крохой, не в обиде.
Жешарт, Коми, первый класс, и опять дорога.
Неприкаянные мы, будто бы, ей богу.

Аттестат я получил на селе Бельтирском,
Где курганы и ковыль, и река там близко.
А потом опять вперед да север крайний,
Что ищу по свету я, мне пока что тайна.

Луга, следом Виттенберг, я служу солдатом,
Долг почетный, говорят, и вдвойне зарплата.
Отслужил и на восток, стану я студентом,
Жить в общаге городской и ходить на ленты.

Строил планов громадьё, а моргнул: женатый,
Соблазнить и оженить мастера девчата.
Всё пришлось переиграть, совмещать с работой
Свой вечерний факультет даже по субботам.

Но недолго брак такой, коль по принуждению,
Разлетелся как стекло в дребезги в мгновенье.
Инженером всё же стал, и женился снова,
Мне казалось, по любви, век с ней жить готовый.

Полтора десятка лет я отдал заводу,
А семейные дела – драма цирка ода.
И взялась меня пилить, был бы невиноватый,
Как родила трех детей, год прожили пятый.

Мол, я толстая, уйдешь к тонкой и красивой,
Я никчемная жена, будь с другой счастливым.
Я и так, и сяк рядил, все, мол, бабы стервы,
Мне, признаться, всё равно, кто мотает нервы.

Просто будь ты мне жена, в доме будь хозяйка,
А останусь иль сбегу, брось играть в гадайку.

А приспичит, коль сбежать, на тот свет да к Богу,
Ты нападками туда торишь мне дорогу.

Тридцать с хвостиком вот так спорим безрассудно,
И что прав один из нас, думаем подспудно...
Я тут бегло накидал жизнь одну простую,
Точку ставить не к чему, ставлю запятую.

Точки на карте

Циркуль дуги, не круги рисует,
В Красноярске вонзилась игла.
Под хмельком сам собою красуясь,
Увеличу в масштабах дела.
Замеряя с востока на запад
Путь, зигзагом он будет длинней,
Все нарезки, разрывы, этапы,
Всех событий мельканье и дней.
И не дуги, а пики метаний,
Между – между, туда и сюда,
Пустоцвет суеты вычитая,
Сплошняком не найдется следа.
Карта плоская, шупай не шупай,
Ни вершин, ни провалов, ни зги,
Самого не рассмотришь под лупой
Средь полей, островов и тайги.
Я-то знаю, кто там обитает:
И пацан, и студент, и солдат;
Там весна и пора золотая;
Под крестами родители спят.
Чертит циркуль прерывисто, косо,
Север, юг, и на запад, восток,
Оставляет он точками россыпь
Моей памяти сладостный сок.
Карта только цветная бумага,
Не ищи, путь судьбы не найдешь,
Память, словно бездомный бродяга,
Там уютно и дом, куда вхож.
Много точек и много отметин,
Сахалин, Красноярск, Виттенберг,
И места незабытые эти,
Циркуль, где замедляет свой бег.

Я о себе вам расскажу

Я о себе вам расскажу,
Коль интересно,
Без хвастовства и без прикрас,
Как можно честно.

Мой путь обычный для людей,
Простой и ясный,
О лучшей доле я мечтал,
Увы, напрасно.

За школой служба, институт,
Завод, карьера,
Семью завел, пахал как раб
С любовью, верой.

А дальше что там? Как всегда,
С женою ссоры,
Года летели день за днем,
И старость скоро.

Взрослели быстро сыновья,
Пошли и внуки,
Желаний меньше у души,
Устали руки.

Судьбы своей я накидал
Всего лишь схему,
И не раскрыл еще никак
По сути, тему.

Палитру чувств, эмоций страсть,
Любовь и беды
В двух-трех словах, увы, никак
Здесь не поведать.

О чем бы я ни начинал,
Любовь превыше,
О ней читают и поют,
О ней и пишут.

И вся история судьбы
С любовью тесно,
Жить без любви никак нельзя,
Не интересно.

Ведь дети плод любви двоих,
А как иначе!..
Кому преграды на пути,
Кому – удачи.

Простите, здесь я повторил
Слова чужие,
Патриотично бы сказать:
«Люблю Россию!».

Душой, похоже, не дорос
В гражданских чувствах,
Коль не люблю, и не любим,
На сердце пусто!

Как ни крути, всё патриот
Страны, культуры,
Но почему на Власть я злюсь,
Обижен, хмурый?..

Куда-то в дебри я полез
В угоду рифмы,
И незаметно для себя
Сбиваюсь с ритма.

Я только брался излагать
Судьбы извивы,
Мол, всё мне в жизни удалось,
Мол, был счастливым.

Но вот слетают с языка
Слова, не очень
На слух приятные, душа
Поплакать хочет.

Мол, вижу в жизни я своей
Одни несчастья,
Была влюбленность, без любви,
И только страсти!

Что сердце может мне согреть
Из детства... из былого?..
Люблю я мать, жену, детей,
Да разве это... ново?

К какому делу прикипел,
И всей душою?
Пишу, читаю и тружусь,
Перечислять не стоит.

Всё это, право, ерунда —
Стихи и книги,
Со мной исчезнут без следа,
Нужны лишь сдвиги

Души, а ум ведь пропадет,
Как сгинет тело,
На всем учиться, что дает
Жизнь, и быть бы смелым!

Роман

Роман наугад открываю. Страница
Вот эта о том, как я начал учиться.

Студгородок на горе над рекою...
Это потом. В другом месте открою,

Где через год умудрился жениться.
До боли мне памятна эта страница.

Её я читал многократно, вникая
В каждую строчку, урок извлекая.

Что толку! – записано это навеки.
Факты другие храню в картотеке,

Сам на себя составляю досье
Из откровенных с душою бесед.

Ладно, поехали дальше, листаем!
Роман наугад по странице читаю.

Но почему не читаю подряд?
Не всем эпизодам былого я рад.

Реальность и память, несхожие вещи,
Что-то забылось, другое же резче

И чаще приходит, как совести голос.
Вот, например, вспоминается школа:

Товарищи, пропуски, двойки, уроки...
Чуть приоткроешь страницу, потоки

Воспоминаний!.. Четыре десятка
Минуло, забыть бы да память загадка,

Вытащит вдруг на поверхность такое!..
Есть целые года – одною строкою,

Как день. Погоди-ка, вот здесь интересно:
Целуюсь я с девушкой. Было чудесно!

Горная речка. Валун. Тишина...
Самой красивой казалась Она...

Что было потом? Пропускаю, неважно.
Открою другую страницу отважно.

И снова попал, что за черт, на интрижку!
Все тайны мои не выбалтывай, книжка.

Ну, было, признаюсь, об этом – молчок!
В последней главе для себя приберег,

Как старым я буду, пикантные вещи,
Когда я устану, и жить будет нечем...

А пока открываю роман наугад.
Так интересней!.. Довольно, я – рад!

Попытка мемуаров

Да, начинал и бросал мемуары:
Молодой еще, рано, не старый.
То казалась судьба интересна,
То о ней говорить неуместно,

Где прошел, незаметен уж след,
Сколько радостей, столько и бед.
Но опять возникало желание
Память лет не отдать на закляние,

И бумаге хотя бы доверить,
Чтоб не так ощущалась потеря
Лучших памятных дней из бывшего.
Но писать мемуары не ново,

Если есть что поведать потомкам...
Если жил незаметно, негромко
Среди разных обычных героев,
Что я ценное миру открою?..

Как душою страдал незаметно,
Как работал, любил беззаветно,
Как я верил в успех вопреки
Неудачам?.. Но все старики

Беззаботную молодость ценят,
Сколько не было бед и лишений.
В первый раз – это частая фраза!
И простые начнутся рассказы:

Я влюбился впервые в пятнадцать,
И в такую красавицу, братцы,
Идеал, что нельзя описать!..
Рано, сын, говорила мне мать,

Прежде школу закончи, сынок.
На свиданье бежал со всех ног,
Я влюбленный – какие уроки!..
А теперь и в семье одинокий,

Старый, немощный, прямо беда...
Вспоминать, так уж дальше айда.
Лето, речка, купанье, забавы,
И каникулы выйдут на славу,

Если с другом «загонишь хорька»,
Пусть ранетка незрело- горька,
За крыжовником сбегаешь в горы,
И катание в зимнюю пору

На коньках и на санках, и лыжах...
Чем старше, тем к детству мы ближе,
Тем охотней о нем вспоминаем.
А писать мемуары – задача иная:

Очевидец, участник событий страны,
И певец и хранитель живой старины;
Томик затертый, значок «октябрят»,
В пионерских ли галстуках фото ребят,

Билет комсомольца, открытки, газеты,
Военная форма... святые предметы,
Как личные вещи и связь со Страной.
Из перечня ценностей нет ни одной

В моей драгоценной шкатулке,
Но нет и последней в помине! Прогулки
Проводит лишь Память в былое.
На гнойные раны забвенья – алоэ,

Чтоб высосать стыд из болячки...
Писать мемуары – такая задачка,
Уму пусть сильна, но совесть
Фальшивое чувствует в слове...

Начинал и бросал описание ни раз
Хроники фактов холодных, рассказ
Без скуки прочесть невозможно,
А если в три короба врать и безбожно,

Так разве то есть мемуары?..
Такое творенье не нужно и даром!
Писатель на выдумку просто мастак,
Коль Бог оставляет на темени знак

Таланта, а я же целован небрежно.
Но дух и душа остается мятежна,
Им суть подавай и правдивость!
А кто не герой, тот ничто. Справедливо?

Оставим пока добродетель в покое,
И факты из жизни своей приоткроем,
Найдем ли, чем можно гордиться?..
Без явной причины бывает, не спится,

И прошлого тени обступят толпой,
Так душу охватит тягучей тоской,
Что если бы мог, перенесся назад
В детства и юности сказочный сад.

Тот сад – ностальгический бред!..
Страстно любовь воспеваешь поэт,
Придумав прекрасную Даму.
В реальности что? Мелодрама!

Или трагедия, фарс, но не тема
Писать мемуары. Похожие все мы
Судьбами, есть лишь нюансы.
Одной ли страны, иностранцы,

Важно и прежде, чем жил человек,
На что он потратил себя и свой век.

Остров Сахалин

Где он, остров Сахалин?
Я ишу на карте...
Затерялся между льдин,
Прячется в закате?

Говорят: Дальний восток.
Там и солнце всходит,
Как каблук Российских ног,
Оторвался вроде.

Вот он, остров – ржавый гвоздь,
Отделен проливом.
Для него не просто гость —
Здесь рожден счастливым.

Где ж район-то Лесогорск
И поселок Горки?..
Этот остров, где я рос —
Край земли, задворки.

Но недолго, года три —
Это разве сроки? —
Увезли на Материк,
В Красноярск далекий.

Но я чувствую душой,
С ним навеки связан,
На побывку б хорошо,
Съездить я обязан.

Может, там я и не жил,
Не рождался даже,
Нептун остров утопил,
Остров лишь бумажный.

Я куплю туда билет,
Путь обратный долог...
А района больше нет,
И сгорел поселок...

Островитянин

По метрикам рожден на Сахалине,
В поселке Горки, что лежит в долине,

Где речек тьма, тайгой покрыты горы,
В тридцати верстах по бездорожью город.

Дальневосточник, да, островитянин,
И в те края меня порою сильно тянет,

Трехлеткой пусть свезли на Материк,
И по рассказам мамы, вычитал из книг,

Как будто лично помню, в самом деле,
Поселок, сопки, море, жуткие метели.

С тех пор минуло больше чем полвека,
Не соберусь никак на Родину поехать,

Хоть пару дней на остров, как в былое,
Душой под старость, может, успокоюсь.

По существу чужой мне край далекий,
Но и судьбы начало всех путей истоки.

Спасая семью

А он женился по любви,
Но мать его так не считала,
И с первых дней начав опалу,
Невестку принялась гнобить

Упреком злым несправедливым,
Мол, охмурила сына баба,
Коль поумнее был он кабы,
Не быть ему с тобой счастливым,

Взял б городскую, не с поселка,
Красотку умную с дипломом...
А то гнобит и по-другому.
Она с дитем, сынок, что толку

Кормить чужого, грех чужой,
Оставь её, пока не поздно,
Пока уехать в город можно,
А год пройдет, родится свой.

Так лет ворчала пару-тройку,
Родился сын, построен дом,
И можно жить, всё об одном
Ворчит свекровь, невестка стойко

Всё терпит, крутится волчком,
Детей отводит к старикам
С утра, (ворчит и мама там),
Хлеб выпекать бежит потом.

Свекровь приедет и уедет,
Настроив сына, он уж пьёт,
И сторяча жену уж бьёт,
Бегут спасать её соседи.

Она ребеночка носила,
Как приглянулась холостая
Ему подружка. Тварь какая! —
И мужа с дракою отбила.

Он успокоился, что толку,
Письмо от матери, больна,
Умрет, мол, вскорости она.
«Поеду к ней, я ненадолго».

Оформил отпуск и поспешно,
Собрался махом – был таков!
«Я знаю точно, лжет свекровь,
Женить задумала, конечно!..»

Детей бросает и... вдогонку.
Холмск – Ванино, в Новосибирск.
Далекий путь, огромный риск,
Ребенок бьет в живот ножонкой.

Все точно, как предполагалось:
Умна, стройна и городская.
Ему ли нравится такая,
Мать не спросила: Это – Гала,

Возьми в супруги, ту – забудь!..
Не тут-то было, шум и драка...
Кричали долго, но, однако,
Жена и муж в обратный путь.

И родился вскоре третий,
И жизнь опять пошла на лад,
Четыре года так в подряд,
Не зная бед, счастливы дети.

Свекровь теперь не нападает
Нахрапом, только лишь зовет
На Материк, который год,
Без внуков, мол, я пропадаю.

И вдруг решил: «Уедем с Сахалина
Куда-нибудь, хотя бы в Красноярск,
Твои там сестры, в самый раз».
Да будет так, желает как мужчина.

Устроились семьёю в коммуналке,
И в детский сад оформили мальчишек,
Свекровь не злые письма пишет,
И посещает школу дочка Галка.

Еще один родился мальчик,
Прошло всего полгода с той поры...
Наверняка кто знает правила игры
Судьбы, где беды ждут, а где удачи.

Что накопилось за семь лет
В душе плохого, прорвалось,
И в дверь стучится страшный гость:
Ваш муж погиб... и меркнет свет...

О, горе мне, одна с четверкой
Осталась я, как дальше жить?!..
Кого судить, кого винить?..
И душу рвет и боль, и страх, и горько...

И начались опять мытарства,
Всё бросила, из города в поселок;
Жильё, работа, садик, школа...
Как тяжкий грех, судьбы злорадство.

А через год опять в дорогу —
В край не обжитый, Жешарт, Коми.
Зима сурова, мерзли в доме...
Куда гнала судьба, ей богу?!..

И год минул, и едут снова
На Абакан, в сухие степи,
Метаний этих нет нелепей.
«До смерти здесь, даю я слово!»

Укол

Врач педиатр стучится. Входите!..
Руки помыть можно здесь, и раздеться...
Как вижу врача, я нуждаюсь в защите,
В пятках душа и колотится сердце.

Мама, мне страшно, боюсь я укола!
Пусть тетя уйдет поскорее. Сынок!..
Лежу на коленях я с попою голой,
Ни вопли, ни мама, никто не помог.

С тех пор я укола боюсь до икоты,
И врач для меня пострашнее цыган,
С недугом в больницу иду с неохотой,
Мне сон и покой для здоровья гарант.

Семейный обед

Отца я помню как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,
Он усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень;
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

Дядя Юзеф

Дядя Юзеф утонул,
Немец, пленный с Кенигсберга!
Ты чего кричишь так, Верка?
Успокойся, сядь на стул...

Ну, рассказывай, родная,
Что случилось, в чем беда?
Ледяная ведь вода...,
Спьяну он полез, не знаю...

Кто полез? Да дядя Юзеф,
Там на озере в горах,
С камня прямо, божий страх,
Высоко, ползу на пузе

К краю самому, всплывет,
Нет ли, думаю, гадаю...
Всплыл как будто, выгребает,
Пред собою гонит лёд.

А потом нырнул и сгинул,
Пять минут, его всё нет,
Для меня померк тут свет,
Я – орать, бегут мужчины.

Дочка, что, сломала ногу?..
Или в озере русалку
Ты узрела?.. Дядю жалко,
Он нырнул, утоп, ей богу,

Дядя Юзеф. Эй, ребята,
Там у берега есть плот.
Ну, тогда бежим вперед!
Спрячт с кем-то, кроют матом,

Плот спихнули и шестом
Тычут дно куда попало...
Ну, а я тут побежала
Рассказать скорей о том.

Вот так да, беда большая,
Дядя Юзеф, смелый хрыч,
Не убит в войну. Не хнычь,
Верка, думать мне мешаешь.

Надо как-то тетю Нину
Поддержать, помочь, поди.
От него дитя родит,
А тут немец взял и сгинул.

Мужики идут, смотрите,
Может, все-таки достали?!
Сбегай-ка, узнай-ка, Валя,
Вова, Саша, Вера, Витя

По домам, а ну – бегом!..
Дядя Юзеф стал покойник.
Влезли мы на подоконник,
Видим крышку под крестом.

Жутко, страшно, но манит,
Люди, свечи, гроб, венки,
В крест лежащих две руки,
Дядя Юзеф крепко спит...

Папа спит

Пятилетний мальчишка осознает
Себя в городе большом и страшном.
Видит, в небе летит самолет,
Тянет ручку ребенок напрасно.

А во сне самолет тот упал на ладонь —
Теплый маленький, словно игрушка;
Мчит галопом норовистый конь,
В страхе мальчик вцепился в подушку.

Мама с папой, сестренка и братья —
Все в одном разместились жильё:
В центре стол, а по стенам кровати,
Из окна виден парк и Дворец...

Едут летом в деревню на волю.
Будет папа на стройке трудиться,
Отдохнут брат с сестренкою к школе,
С сентября им обоим учиться...

Для семьи дали дом брусовой,
Под окном палисад. Крытый двор.
Долго дом простоял нежилой.
Пол помыли и вынесли сор...

Во дворе на веревках качели,
А за домом большой огород...
Пару месяцев так пролетели,
И семья в мире-счастье живет...

Ночь. Темно. Будит мама детишек:
Собирайтесь! Мы едим домой...
Вот машина подъехала, слышат.
Папа пьяный сегодня и злой...

Шестимесячный крохотный братик
Неустанно и нудно орет —
Среди ночи подняли с кровати.
«Эй, заткните крикливому рот!»

Папа злой, папиросы ломает,
Всё не может никак прикурить.
Вещи мама спеша собирает:
«Я прошу, дорогой, не дури!..»

Он один остается в деревне.
Не поймет ребячьи ничего:
Не достроил еще? Ждет он денег?
Не пускает начальник его?..

Никаких объяснений, торопит:
Быстро в кузов, не будут нас ждать!
И целуя малюточку в лобик,
Просит баба его подержать...

Вот машина летит по дороге,
В крытом кузове страшно сидеть.
Мама злится, орет, вся в тревоге,
И в окно не дает посмотреть...

Да, я помню тревожное время.
Пятилетним что мог понимать?!
Ясно вижу, как в кузове едим,
Как баюкает братика мать...

Как пришла незнакомая тетка —
Весть дурную она принесла,
Как вопила в истерике в глотку
Мама после, как гостя ушла...

Вижу гроб, а в нем спящего папу.
Жутко так мне к нему подходить.
Почему-то не хочется плакать...
Посетители вносят венки...

Я за дверь в углу, где игрушки,
Наблюдаю, как подняли гроб.
Попрощайся! – мне шепчет старушка, —
Поцелуй папу, деточка, в лоб...

Я боюсь!.. Не тащите, не надо! —
Прячусь снова за дверь поскорей.
Несмышленный ты, Вовик, ну ладно...
Четверых ведь оставил детей...

И старушка соседка уводит
К себе в комнату: Будем вдвоем...
Как ты мог удавиться, Володя!?!.. —
Всё бормочет под нос о своем.

Все ушли. Опустела квартира.
«Выйдем что ли, на двор, поглядеть?..
Ах ты, маленький беденький сирый!..
Вот и некому больше жалеть...»

На дворе грузовая машина,
И откинута вниз все борта.
Гроб подняли на руки мужчины.
Говор тихий. Венки. Суета...

Вот и двор опустел. Напоследок
Крестят воздух и в землю поклон.
Листья желтые падают с веток.
Стар и млад возвращается в дом...

Сорок с лишним годов упорхнули.
Что теперь мне былое жалеть?..
Не узнаю я дом и тех улиц...
Всех рассудит по-своему смерть...

Помощь району

Пальто – на два размера,
А валенки – на три.
Зовут меня примерить,
Чтоб радость подарить.

Директор восседает
И тётя из Районо,
Сгораю от стыда я,
И в горле стал комок.

«Примерь, сыночек, пару,
И пальтецо примерь» —
И вдруг я стал так жалок,
Разверзлись снизу твердь!

Как Филиппок Толстого,
Как лилипут одно, —
«Носи ты на здоровья,
Благодари Районо»

Спасибо – как из гроба, —
Мне можно на урок?
Кивает мне особа,
Как твари сверху Бог.

И в класс тащусь с поклажей,
Смешки и шум волной,
Как будто я с проказой,
Несчастный и больной.

Четыре раз по десять —
Я помню как сейчас,
«Подарок» тонну весил,
Когда входил я в класс.

Игры детства

«Шишел-мышел, взял да вышел» —
Всем знакомая считалка.
Мне водить, ах, ёлки-палки!
Разбежались все как мыши.

Галка спряталась в сарае,
Толик спрятался в кустах.
Детство в памяти играет,
«Шишел-мышел» на устах.

Чижик-пыжик – вот забава!
Лунка, бита и брусок.
Ловкий сделаешь бросок,
За чижом бежит орава.

И с утра и дотемна
На дворе играют дети.
Помню я забавы эти
С детства – чудная страна!

«На золотом крыльце сидели» —
Мишка строго счет ведет,
Нынче кто голить пойдет.
Было так ли в самом деле?

Детство в памяти играет,
Повторяет всё считалки,
Не вернуть то время, жалко.
На дворе играл вчера я?..

Бомбу сделать легче простого:
Карбиду в бутылку насыпать горсть,
Воды из лужи, затычку – готово!
Все в рассыпную – гранату брось!

Стройка рядом, карбиду навалом,
Бутылку пустую, найдешь всегда.
Была у нас в детстве такая забава,
Да, много она приносила вреда.

Храбрится пацан, не бросает сразу,
Бомба в руках – бах!.. и осколки
Вонзятся в живот, по рукам и по глазу...
Ругай не ругай пацанов, всё без толку.

Или порох в бумагу, поверх изолянтной,
Спичек крошишь и чирк коробком!..
Игры такие – опасные эксперименты,
Часто к травмам приводили потом.

Вот пугач, например, это трубка медная,
Сплюснуть конец молотком и согнуть.
Штучка опасная и очень вредная,
А пацанам развлечение девчонок пугнуть.

В то время такие забавы и игры детские
Считались за доблесть среди пацанов...
Забывшие напрочь те годы советские,
И клич пионеров: «Всегда будь готов!».

Персик

С авоськами шли с магазина
Я, мама и маленький брат.
«Попробуй-ка персика, сына» —
Подарку такому он рад.

И мякоть на землю бросает,
А косточку хочет разгрызть.
Слеза на глаза набегаёт
У мамы: «Сыночек, вернись.

Что бросил на землю, то – кушать,
А косточку выплюнь, не ешь...».
Поднял, удивленный из лужи
То персик, румяный и свеж.

«Мы дома от грязи отмоем, —
Свернула бумажный кулек, —
Немалую денежку стоит...
На яблочко скушай, сынок».

Не знал пятилетний мальчишка,
Что в персике мякоть едят...
Да, редкие сладости слишком
В детстве мы видели, брат!..

Подражание

Играли в домике
Из веток на поляне.
Она – жена,
Девчонка восемь лет,
А я ей муж – пацан.
«Домой явился пьяный,
Опять наждался, гад! —
Кричит жена, – чуть свет.
Мой руки, покормлю» —
Ворчит и накрывает стол.
Так взрослым подражая,
Готовится игрой своей
Исполнить «женский» долг.
За пьянку пожурит,
А вечером прощает.
Вот мама куклу дочку,
Завернув в пелёнку,
Баюкает малышку
И песенку поёт
Всё нежным голоском,
И ласковым и тонким.
Она в своей игре
Воистину живет.
Зовет ложиться спать
На мягкую постель,
Целует в щечку,
Гладит по головке.
В игру так искренне
Вплетает
Картины быта канитель,
Ведь девочке жене
Нужна сноровка.
И мы, обнявшись,
Муж с женой,
Нам хорошо,
Приятно и тепло.
И нет стыда еще,
Что значит быть нагой,
Что значит в жизни
Настоящей зло.

Весенние хлопоты

От школы после уроков
По улице Ленина прямо
Домой добежать недалеко,
Где меня дожидается мама.

Ранец потрепанный сброшу,
И хлеба отрежу кусок,
Сахару горкой хорошей
Насыплю и... за порог.

Мама вдогонку: Покушай!
На печке горячие щи...
Я шапку надвинул на уши,
Во двор и пропал, не ищи.

С ребятами мы сговорились
Рыбу глушить колотушкой.
Что, даром у речки мы жили?
С неё нас не выгонишь пушкой.

Лед как стекло, где прозрачен
До самого дна, там, где окунь,
Бьёшь во всю мощь наудачу,
Звук дробится эхом далеким.

Как вскрылась весной протока,
И пока мутные воды гонимы,
Мы можем сбежать и с уроков,
Ловить закидушкой налимов.

Закинем на бревнах и бонах
Под вечер десяток удилищ,
И ночь у костра полусонно,
Но и весело мы проводили...

Налим попадетса здоровый,
Как вытащишь, сразу за жабры,
Заточкой к бревну и – готово,
Он скользкий, не вырвался дабы.

А позже, когда потеплеет,
На улице после уроков,
То в городки мы затеем,
То идем за березовым соком.

Без дела хоть день мы скучали,
Такого и в жизнь не бывало!..
Скоро каникулы, нет и печали,
Нам месяц учиться осталось.

Корочки вкус

Вова, за хлебом сходи после школы.
Булочку белого, пару ржаного;
Сахар, муки, килограмм вермишели.
Булочки, что я пекла, уже съели,
Оладьи сготовлю на простокваше,
Крынку вчера принесла тётя Паша.
Ладно, схожу, если вдруг не забуду.
К бане в субботу зайдет тётя Люда.
Всё, мам, бегу я, а то опоздаю,
Училка на русском у нас очень злая,
Влепит мне кол, я боюсь, ни за что.
В валенки ноги, на плечи пальто,
Шапку и ранец схватил, за порог,
И по морозцу бегу со всех ног
По Стадионной на Ленина в школу,
Не замечая ни ветра, ни холод.

Только что хлеб привезли, он горячий,
Пахнет, в авоську я булку не прячу,
Рву тут же зубами хрустящую корку,
Вкусно, и радостно как от пятерки,
Треть булки умял по дороге домой,
Как, не заметил, влетит, боже мой!
Если ножом, где щипал, подравнять,
Может, Толик отрезал, подумает мать.

Вова, купил, что просила? Угу...
Я вкус той горбушки забыть не могу.

Сгущенка

По копейке – сорок восемь,
Как раз на банку сгущенки.
Мы с братом в ту самую осень
Пили молоко стружкой тонкой.

По троечку, по десятику у мамы тырил,
Да пустые бутылки, копеек по восемь,
В «стеклотару» сдал штуки четыре,
Всё подсчитал – ровно сорок восемь!

Пьем, блаженствуем, праздник что надо!
И к чему бы это, а ссора случилась:
Ты пьешь дольше!.. Нет – ты!.. И радость
Как вода молоком замутилась...

Вечером мама с работы приходит,
Я во двор, как нашкодивший кот...
Не ругаясь, сказала: Не надо, Володя,
Брать без спроса, не кради наперед.

Рыбалка

У дяди поплавков то и дело ныряет,
Рыбы натаскал с полведра, не меньше.
Червей то и дело скармливал зря я,
А в ведре одна только рыбка плещет.

Комаров вокруг тьма-тьмущая,
Пищат возле уха и больно жалят.
Толи у дяди была удочка лучше,
Толи черви крепче держались.

Клюёт!.. подсекай проворней,
И не дергай удочку, вот меня
Дядя учит и с досады стонет,
Не так нанизывать надо червя!..
Поплавков нырнет чуть в воду,
Подожди, а потом осторожно тяни.
Очень просто, видишь, Володя!..
Хитрость маленькую пойми...

Высоко уже солнце, трава росой парит.
У меня улов весь на дне рыбок с пяток,
Ельца с ведро шутя наловил старик...
Разменял я тогда лишь девятый годок.

Мы с другом

Хакасские степи лежат между гор.
Что там за рекою? – затеяли спор
Друзья, и решили устроить поход.
Идут и идут час за часом вперед.

Зеленой полоской их манит тайга.
Выбрана цель: не достигнем пока
Заветного леса, запалим костер...
И разрешится наш давешний спор

А лес и не думал расти в небеса —
То саженцев кедра шумит полоса.
Вошли, а верхушки по пояс, плечо.
Они рассмеялись, им всё нипочем!

Но тайна открыта, достигнута цель.
Пичуги приветствие слышится трель.
Вернулись. Устали, довольны собой.
И снова уж спорят: А что за горой?..

Далекие горы, а там что найдем?..
«А завтра в разведку, Серега, пойдем?!»
И снова в поход устремились друзья,
И этот с успехом предел ими взят.

С горы и на гору, уставшие, все же идут,
Нелегкий романтики юности труд!..
Уж вечер, а горы не знаю конца...
Там дальше темнеют как тайна леса.

«Серега, пора возвращаться домой,
С утра мы протопали, сколько с тобой».
Назад путь тяжелый, был легче вперед...
Я помню походный счастливый тот год.

Окрестности все мы излазили с другом,
На север, на запад, ходили и к югу.
Судьба развела меня с ним навсегда,
В разных живем мы теперь городах.

Каникулы

В такие дни, в каникулы, ни часа
Остаться дома просто невозможно.
Подростки пацаны после шестого класса
На речку шли, в поля, и шkodили безбожно.

Кто умыкнет капроновых игрушек,
Кто раздобудет пороха пакетик,
Есть чем теперь порадовать нам душу,
Каникулы запомнятся нам эти!..

Часа в четыре утра на протоку,
Елец и хариус клюёт пока на «мушку»,
Через поля идти и вовсе недалеко,
В бутылке чай, лук, соль, румяная горбушка.

В такие дни, как нынче жарит лето,
Сидеть под крышей дома невозможно!
Трусы, сандалии, шляпа из газеты,
«Войну» в траве устроим придорожной.

Кусок фанеры в щит, штакетник в меч
Преобразит в тот час воображенье,
Всё в щепки искрошим, чего беречь,
Когда в разгаре жуткое сраженье!

Царапины, занозы, синяки —
Лишь распалят раненья боевые...
Каникулы!.. Как дни те далеки,
«Убитые» лежим в траве живые...

Улицы детства

Вот здесь я в чижика играл
С окрестною ватагой,
И в небо змея запускал
Из реек, обтянутых бумагой,
А здесь играли в чехарду,
Чуть не ломая шеи.

По этим улицам пройду
Назад полвека, где я
Девятилетним пацаном
В сугроб нырял с забора,
В саду с Валеркой под окном
Поспорили до ссоры.

А эта улочка в канал
Приводит через дамбу,
Я на плоту как адмирал,
Тараню Витьку... Амба!
Трещат плоты: На абордаж!
В воде мы с Витькой оба.

А флот уплыл из досок наш,
Не выдержали скобы.
А эту лавочку я сам
Пилил, строгал, мастрячил,
И приглашал под вечер дам,
Как рыцарь настоящий.

Татьяна, Олечка, Валёк
Мои навек подружки,
От этих дней тот день далёк,
Они теперь старушки.

И здесь и там я подмечал,
Для всех чужой прохожий,
Что край мой милый всех начал
На этот не похожий.

Канал

Бельтырка речка сквозь поселок
Текла в болотах заводях, кустах.
Гусей на берегу, пасущих телок
С теплом увидишь, зимняя пуста.

Мостки, как продолжение улиц,
Из досок в нужном месте есть...
Однажды поутру проснулись,
И ужаснулись – море здесь!

Разлив реки, и паводок обильный
Ближайшие дворы сейчас зальёт.
Спасают люди скарб, детей, скотину...
Я накрепко запомнил этот год.

Мы на чердак, а ты до тетки, сына,
Вернешься после, как вода сойдет,
Вскричала мать. Бегу по улице так сильно
От страха, что волной подхватит, унесет.

Но это наводнение кажется пустяк —
Других масштабов видел разрушенья,
Когда вода обрушится, как враг,
Что на пути, подхвачено теченьем.

Как високосный год, так произвол стихии:
Потопит скот, и урожай в полях погубит.
Сибирь, тайга, снега, ... Россия!
Страдать доколе будут люди?

Канал решили выкопать глубокий,
Так, мол, спасем поселок от воды.
Нагнали технику, и объявили сроки,
За пару лет трудов пожнем плоды.

Наш дом стоял у насыпи вплотную,
Под окна гравий сыплют, в палисад.
Теперь ни небом из окна любясь —
Камней поток по стенке град.

Зимой, как перейти канал?
По скользким склонам невозможно,
Пыхтит, ругается и стар, и мал:
Нет подвесных поблизости дорожек.

В двух километрах мост, за ним другой,
Петлю крутить не каждому по духу,
И всякий раз через канал, как в бой
Идет там взрослый, дед или старуха.

А детворе на радость жарким летом
Идти в канал рыбачить и купаться.
Там я, пацан, слетев с плота одетый,
Чуть не утоп, спасли, но нахлебаться

Воды успел от страха и стыда,
Ведь я, умея плавать по-собачьи,
Мог сам до берега добраться без труда,
И от обиды, что спасли, я чуть не плачу.

В канал и брат, с гулянки возвращаясь,
Скатился пьяный вниз и... захрапел.
Под осень, холодно, нашли его случайно,
Простуженный, всю зиму проболел.

А через год дают и нам квартиру,
(Избу, где жили, брали напрокат),
Сменили Стадионную на Мира,
Устроились, и жизнь пошла на лад.

Никто не помнит имени той речки,
В каком году построили канал,
Когда случится, может с ним осечка,
Сам Бог, и тот, наверное, не знал.

Вода пришла, был високосный год,
И Абакан заметно громче заревел.
Канал спасет, уверен был народ,
Туда-сюда гуляющий без дел.

За сутки и поля, и лес ушел под воду,
Канал наполнился почти, что до краев.
Еще такой воды не видели мы сроду,
Пастух к горам спасать погнал коров.

Вдоль полотна железнодорожного заторы
Из бревен, с бирж прибило их теченьем,
И мост накренился, сорвется уже скоро,
В тревоге взрослые, а детям развлеченье.

И видел я, как с насыпи ручьями
Сначала нехотя вода стекала вниз,
Песок размыв, и мелкий гравий, камень,
И... прорвало! И мат, и рев, визг!..

Вода, кричу я, мама, на подходе,
Что делать, лезть на крышу ли бежать?
Садись в машину с Толиком, Володя,
Езжайте в клуб одни, решила мать.

Как уносил поток заборы, стайки всюду,
Как с мест сдвигал он запросто дома,
И крики, вертолетов, рев моторок не забуду,
Как только люди не сошли от этого с ума.

За сутки, полпоселка уничтожив,
Поток воды ослаб и обмелел.
Спуститься вниз на улицу мы можем,
Не ждать, брести по пояс кто хотел.

Вокруг разруха, доски, мусор, вещи,
И кое-где поют как прежде петухи,
Еще и лодки те, ночные встретишь,
И подвезут, коль будет по пути.

А что канал? Его как не бывало,
Размыт он с самого начала до конца.
Бельтырки речка снова зажурчала,
То там, то здесь наполнив озерца.

Расстоянье

Идти до школы надоест
От крайней улицы до клуба,
Через канал наперерез
Три километра будет грубо.

А по дорогам выйдет пять,
До магазина, через мост.
На час пораньше надо встать,
А запоздал, беги уж кросс.

Так года три я бегал в школу,
Пока жильё не дали ближе.
Ногам легко, когда ты молод,
Пацан школяр, вперед беги же!

Два раза дальше комбинат,
За переезд и к Абакану...
Мы там шалили, помнишь брат?
Не раз гоняла нас охрана.

А горы тянут, как магнитом;
Курган в степи, лесок с болотом
Минуешь если, встанут плиты
Стеной, на неба влезть охота!

Поля, поселок, комбинат
И синей змейкой Абакан;
Стоишь на круче, горд и рад,
Ты выше всех, ты – великан!

Ногами мерить расстоянья
С годами стало так привычно,
Жизнь есть движенье состоянья,
Идешь пока, ну и отлично!..

В такую погоду

В такую погоду, после дождя
Бежать на рыбалку мне хочется
К любимому месту с обрывом,
Где тальниковая рошица.

Если с зарёю закинуть крючок
С наживкой, «на кузнеца»,
Бывает, и хариус клюнет,
Поймаешь уж точно ельца.

А на червя дождевого с охотой
Клюёт и пескарь и плотва,
Так окунь идет на «малявку»,
Подсечь успеваешь едва.

Если заранее рыб прикормить,
Годятся и хлебные корки.
Если «корчагу» поставить на ночь,
Поймать можно рыбы ведерко.

В такую погоду, после дождя
Воздух, пропитанный детством,
Запахом память в тот час оживит,
Куда от бывшего тут деться.

Вытрясла мама с крыльца половики,
Пьют воду из лужицы куры,
Кот на охоту шмыгнул в огород,
Собака на цепи излаяла сдуру.

Влез на чердак покормить голубей,
Там полумрак и прохлада...
В такую погоду, после дождя
Вспоминать своё детство отрада.

Школьные годы

С.А. учитель русского, литературы,
Она мне запомнилась злой и строгой,
Завуч – заметная в школе фигура,
Мы робели пред ней, ей богу.

Она никому не ставила двойки,
В дневнике единица, в журнале четверка,
Как ни ответь на задание бойко,
Кол да четыре, практична увертка.

Линейкой длинной дисциплину
Она держала в классе на уроках,
Записку кто из нас ли кинул,
Того линейкой бьет по боку.

К доске, иль вон из класса, Веденеев!
На место сядь сейчас же, Тазарачев!
И класс притихнет, будто леденеет,
И сгорбившись, глаза в тетрадки прячет.

С.А. уж в гневе: Полные дебилы!
Моя бы власть, отчислила б лентяев.
И бьет линейкой хлестко со всей силы,
Что в шоке мы, она не замечает.

Усталость ли, расшатанные нервы,
Иль ей не повезло с учениками,
Словесница богатая на перлы;
Брильянт, шлифованный лишь камень.

Увы, я вспомнил это, многие другое,
Покинув школьные пенаты, вспоминают,
Зачем чернить для сердца дорогое,
Учительница матерью становится иная.

Обиды нет, любовь и благодарность
Храню я в сердце к нашим педагогам,
С годами в рост идет комплиментарность,
Но и другое помниться, ей богу!

Там юность горела

Так не было раньше,
Там – было другое,
Я правил рукою,
Следя за строкою,
Фальшивил без фальши.

Там – юность горела,
Там страсти кипели,
Весенней капелью,
И доброй метелью,
Всем правила смелость.

С волнением тревожным.
Зачитывал строки,
Сердечные токи —
Эмоций потоки,
К себе был построже.

И внутренний критик
Убийственно резал:
Где мысль антитезы?
Сплошные всё грезы.
Не критик, а нытик!

И распри случались —
Горели тетради,
С собою не ладил,
Мол, жалок и гадок.
Так было вначале...

Учитель

Безупречная репутация,
Сотни, сотни учеников,
А под старость радость горечи,
В сердце чувство соломенных вдов.

Со слезой на глазах альбомы
Смотрит долго до поздней ночи,
Льётся незамужней матери счастье
На родных не по крови сынов и дочек.

Всё плохое безлико забылось,
Радость встреч-расставаний горячая,
Ты учитель, как добрая фея,
Не сложилась судьба бы иначе.

Безупречная репутация
Сохранялись тобою публично,
А под вечер, листая тетрадки,
Домогались мечты неэтичные.

Быть учителем, словно звездою,
В утомляющих просьб, обращеньях,
Проходилось следить за собою,
Недовольство гасить и смущенье.

Сорок лет пролетели скоро,
Сорок лет как урок бесконечный,
Но в душе остаешься девчонкой,
С добротой и любовью сердечной.

Не комсомолец

Позоришь класс! Как так? Не комсомолец.
Таких, как я, штук двадцать в нашей школе.
Не уж-то я один «позорю» этим класс,
Есть двоечники, знаешь ведь, у нас.

Без возражения пиши-ка заявленье,
Бюро рассмотрит, я похлопочу.
Я недостоин. Как? Имею кол по пенью.
Какое пенье?.. Да, ладно, я шучу.

Я не созрел еще, какой я комсомолец,
«Позорю класс» – меня ты припечатал.
Туда достойные идут по доброй воле,
А мне вступать пока что рановато.

Но почему ж? Я троечник, ты знаешь,
И двойку схлопотал за сочиненье.
А в комсомол как вступишь, так исправишь.
Исправлю, нет, имеет ли значенье?

Ах, так!.. Живи пока что до собрания.
Комсорг, к чему угрозы, не пойму,
Займись другими, а я, что крайний?
Шмыгнул во двор, махнув рукой ему.

Первые стихи

В авоське учебники переплелись,
Углами в ячейках топорщатся...
От волнения губы до боли бы сгрызть,
Как похвалы и поддержки хочется!..

Со стихами робко тетрадь подаю,
Мол, скажите, пожалуйста, слово учителя...
Душа и сердце в восторге поют,
Окрылите надеждой поэта-любителя!

«Завтра я жду тебя вечером, можешь?..»
Небрежно тетрадку бросает на стол,
Там, где другие стопками... Боже!..
Влепит мне двойку, с ошибками, мол.

Так и случилось: «Прочла я страницу,
А дальше читать не хватило мне сил.
Так откровенно писать не годится...
Ты русский язык очень плохо учил».

Спасибо! – и стыд опалает мне щеки,
Тетрадку я рву на клочки беспощадно.
Помнится год переломный далекий
Всю жизнь, но учителю я благодарный.

Перекличка

Валентина Михайловна,
Выпуск год семьдесят три
В полном составе прибыл!
Дежурный, пожалуйста, доску протри.
Здравствуйте! Я попрошу...,
Представились вы бы.

Я Коршунов, рядом Грачев.
Райкова Лида. Я Сипкина Нина.
Милюхина Надя, толкает в плечо
Зацепина Надю, а я её в спину.

Ирина, а рядом Корчагин Володя.
Не вижу, пожалуйста, приподнимись.
Встаю из-за парты поспешно на ноги...
Клименко Владимир, прошу, не вертись.

Валентина Михайловна, сел я на гвоздь,
Иль Терских подсунул в сидение спичку.
Я?!.. шутки, Володя, такие ты брось!..
Ребята, продолжим, прошу, перекличку.

Емельяненко. Клименко Валера. Горячкин.
Белокопытов. Литвинов. Баутин и Лазариди.
Здесь нынче не будем решать мы задачи,
Никто и к доске из вас нынче не выйдет.

Пять девушек, дюжина ровно парней,
А вместе по счету – семнадцать.
Но пятеро выйдут сейчас из дверей,
Вы знаете с кем попрощаться...

Виктор, Владимир, Владимир другой,
Александр, и Анатолий...
Вам добрая память и вечный покой,
Прощаемся с вами мы с болью.

Служи солдат

В Германию на службу самолетом,
Затем до станции какой-то пешим строем,
В учебном центре временные роты,
На медосмотр вход по очереди трое,
На голых нарах спим не раздеваясь,
Обед повзводно: суп и каша с чаем,
Поверка вечером, по списку вызывают,
На имена свои «я» громко отвечаем...
Три дня мытарств, команда: По машинам!
По всей Германии в предписанные части.
Солдат служи, вернись домой мужчиной,
Где мама ждет, любовь твоя и счастье...

Письмо

Мне пришло письмо в Германию
С фотографией по просьбе...
На груди носил в кармане,
Не твоя подружка, брось ты
Все надежды, ждать не станет.

Просто я когда-то в школе
С ней учился... Так хотелось
Подкрепить любовью волю,
Пусть душа б, мечтая, пела...
Получил письмо – доволен!..

Дотерпеть

Ночь бесконечна в караулке,
Дежурный строгий капитан,
Слышны сапог удары гулко,
Он как всегда немного пьян.

Войдет и гаркнет: Встать, солдаты!
Весь караул построь, сержант.
Готовь к проверке автоматы! —
Раззявит рот до самых гланд.

Его приход перетерпели,
Все успокоились и спят.
Десятка два служить, в неделях
Считай, чему я очень рад.

Домой

Как домой мне, мама, хочется,
Вас к груди своей прижать,
И увидеть нашу рожицу,
Быть свободным мне опять.

Я б друзей собрал на вечер
Выпить водки иль вина,
И отпраздновал бы встречу
В разговорах дотемна.

По твоим борщам я, мама,
Так соскучился, представь!
Ждите скоро телеграмму,
Дом мне грезится, как явь.

Чемодан стоит в каптерке,
В нем альбом и сухпаёк,
И парадка там за шторкой,
Заготовил всё я впрок.

Ждем приказ официальный,
Не команды «Всем отбой!»,
В путь отправиться мне дальний,
Чтобы встретиться с тобой.

Спасенье

Я не такой, как другие,
Стать похожим хотелось.
Нервы рвутся тугие,
И страдает всё тело.

Основное страданье,
С ним явился я в свет,
Осуждаю заранее
И за то, чего нет.

Страх навис надо мною,
И пугать он давай,
Не дает мне покоя,
Адом делает рай.

Ночь ли, люди, гроза,
Или школьный урок,
Он бросает в глаза
Пыль, ложится у ног,

Вяжет руки стыдом,
Отнимает язык,
И по жизни с трудом
Я идти уж привык.

И отчаянный крик
Сердце рвет на куски,
Юный я как старик,
Удаплюсь от тоски.

Не такой, не такой!
Как себя изменить?
И безжалостный бой
Как в душе прекратить?

Вдруг душа говорит
Чувством мысли без слов:
Дверь стихам отвори,
Путь ты к ним не готов.

Страх свой в них опиши,
Стыд и чувство вины,
И пиши от души...
А с другой стороны

Поэтический дар
Можешь ты разбудить,
Пусть пока что угар
Не дает тебе жить.

Через годы поймешь,
Как была я права.
Я попробую, что ж,
Чувства вылить в слова.

Дембельский крест

Для нас последний этот полигон,
Ну, что, ребята, будем ставить крест,
Пусть памятью о нас послужит он,
Кто из каких служить приехал мест,

Кто с Питера, Москвы, а кто с Урала,
А кто-то из Хакасии далекой.
Из рельса крест вмуруем, чтоб стоял он,
Как памятник в Германии, без срока.

Две перекладины с названьем городов
Привинчены, приварены надежно,
Крест дембельский, товарищи, готов,
Теперь на память фото сделать можно.

Бросали в яму прямо в мокрый цемент
Монеты, пуговицы, в общем, кто, что мог,
И, может, в двадцать первом веке немец
Найдет следы солдат советских ног.

Отдельный грозный наш дивизион
Стоял в далеком прошлом в Виттенберге,
Найдет в архивах через годы, может, он,
ГСВГ, и кто служил, их слава не померкнет!

На службу крест поставили, ура!
Пусть прапорщик, его ломая, злится.
Ну, что, ребята, в лагерь нам пора,
Еще чуть-чуть и станем вольной птицей.

Ритуалы

Чтобы марки лишние не тратить
На подшивку, пасту и конфеты,
На альбом зачанку под кроватью
Берегу давно, использую я летом.

Умыкнули новую мы простынь,
Как отвлекся прапорщик на миг:
Ткань порвем на узкие полоски
Подшивать хэбушки воротник.

Из журналов тушью переводим
Разные картинки для альбома,
Например, девчонку на природе,
Мать солдата ждущая у дома,

Как бойцы бесстрашные в атаку
Устремились с криком на врага.
Не художник, выучишься всяко,
Коль о службе память дорога.

Распечатать фото в разведроту
Ходим, по соседству, но тайком,
Мзду берут, иль даром для кого-то,
Кто окажется случайно земляком.

Каблуки у ботинок, с набойками, клином,
Сколько пар дембелям переделал каптер,
От колен расшивали под моду штанины,
И пластину в погон, будет ровный и тверд.

А на китель значки: комсомолец, отличник;
А добыть повезет, то гвардеец, спортсмен;
А с латунию под ними на вид симпатично.
Да, о дембеле помнишь ты каждый момент.

Крест поставить на службу при случае нужно,
Замести веткой след по пути с полигона,
И под крики «Ура!» дембеля будут ужинать
Напоследок да в форме в значках, при погонах.

Все! Есть приказ и дана разнарядка отбытия,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.